

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВЕТСКОЙ ШКОЛЕ

ЖУРНАЛ ТЕОРИИ И МЕТОДИКИ
РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Под общей редакцией
П. И. ЛЕБЕДЕВА-ПОЛЯНСКОГО

ВЫХОДИТ ШЕСТЬ РАЗ В ГОД

№ 4

1929

ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

ЧЕХОВ КАК ПРОДОЛЖАТЕЛЬ САЛТЫКОВА И ГЛ. УСПЕН- СКОГО

И. К у б и к о в

Разночинная интеллигенция пореформенного периода была объективно заинтересована в дальнейшем политическом и социальном раскрепощении страны. Отсюда историческая неизбежность революционного народолюбия семидесятых годов, окрасившего революционные требования народников, а также их искусство и литературу.

Но эта объективная заинтересованность разночинцев в свержении царского деспотизма совсем еще не предполагала их массовой решимости вступить на путь борьбы. Развивающийся капитализм и расширенный бюрократический аппарат власти давали возможность многим представителям этой интеллигенции более или менее твердо устроиться на стезе личного благополучия.

Это положение вещей получило в «Пестрых нисьмах» Салтыкова-Щедрина, хотя и вынужденно туманную, но достаточно ясную для внимательного читателя формулировку:

„Воистину обольщают себя те, которые думают, что так называемое общество когда-нибудь воливалось высшими вожелениями. В сущности волювались только немногие, и уж, конечно никто не скажет, чтоб существование этих немногих сколько-нибудь напоминало о благополучии. Почвенный же и русловый люд всегда и неизменно имел в виду только служительское благополучие“.

Это утверждение Салтыков заканчивает такими горькими, ироническими словами по адресу среднего человека: «он был по-своему прав, ибо какая надобность изнывать над отыскиванием новых жизненных идеалов, рискуя при этом прогневить начальство и насмешить массу однокорытников!»

В ряде своих очерков — «За рубежом», «В среде умеренности и аккуратности», «Пестрые письма» и особенно в «Современной идиллии» Салтыков выступает общественником-моралистом, обвинителем этого трепещущего «среднего человека», малодушие которого, по его мнению, укрепляло оголтелых представителей власти. В «Современной идиллии» великий сатирик иносказательным языком говорит о трагической обреченности революционеров-семидесятников: «Высоко интеллигентного человека легко изолировать, потому что он относится к мелочам индифферентно. Его можно вырвать из рядов человеческих и скомкать, потому что средний человек не заступится за него, а только будет стыдливо замыкать уши и жмурить глаза».

В сказке «Премудрый пескарь» Салтыков в аллегорической форме показал это состояние трепещущего человека. Но желая ввести своего читателя в сокровенный интимный мир этой лаборатории человеческого трепета, Салтыков дает в «Мелочах жизни» рассказ «Супруги Черезовы». Путем настойчивого подбора определенных черт писатель изображает здесь интеллигентов-разночинцев, добившихся совсем не плохого заработка, но вечно изнывающих под гнетом страха завтрашнего дня. Это поистине чета грусливых пескарей, поражающих своим ничтожеством.

Таков, если можно так выразиться, массовый интеллигент, на которого обращал свой взор и Глеб Успенский. В очерке «Непальтешишки», пытаясь познать природу этого среднего человека, Гл. Успенский вопрошает:

«...Кто и что превратило его в интеллигентный гвоздь, который вбивает в известное место посторонняя рука и который оказался способным держать все, что эта посторонняя рука на него не повесит?»

В рассказе, полном большого социального смысла, «Наконец, нашли виноватого» — Гл. Успенский вскрывает всю идейную легковесность среднего интеллигента, впечатлительность которого похожа, по мнению писателя, на обеды студень.

«Когда студень лежит на блюде, то малейшее движение вилкой, тарелкой немедленно отражается на нем: он трепещет не только от того, что тронули блюдо, но и от тяжелых шагов прислуги; он впечатлителен даже к громким звукам. Кто-то из обедавших чихнул, и студень тотчас «отозвался» трепетом... А разрежьте его, ведь лед-льдом, холод внутри его ледяной, точно мороженое».

Чехов, этот разночинец второго периода, выйдя на свой творческий путь в эпоху общественного бездорожья, когда были разгромлены последние остатки народофильцев, не имел определенных общественных идеалов. Придя от беззаботной юмористики к творчеству серьезного большого художника, Чехов жаждал общественно-морального преображения жизни, он мечтал о нем, но эта вера в возможность обновления носила у него самые смутные очертания. Но зато Чехов полон достаточной определенности в своем отрицании всей тоскливой сумеречной жизни, под гнетущими впечатлениями которой прошла его молодость.

И вот в круг этого чеховского отрицания прежде всего входит массовая интеллигенция — «средний человек», достаточно расцененный предшественниками Чехова — Салтыковым и Гл. Успенским. Чехов прослеживает социально-психологический облик этой интеллигенции по двум линиям — мелкодворянской и разночинной. Письма Чехова в этом отношении являются как бы комментариями к его художественным замыслам. Первыми произведениями на эту тему являются драма «Иванов», повесть «Дуэль» и рассказ «Соседи».

В письме к Суворину (30 декабря 1888 г.) Чехов дает подробный комментарий к своей драме «Иванов». И нужно сказать, что это авторское толкование, в данном случае, вполне совпадает со всей сущностью пьесы. Основная черта интеллигентов типа Иванова — это ранняя старость и душевный надлом. Чехов пишет:

«Нет или почти нет русского барина или университетского человека, который не хвастался бы своим прошлым. Настоящее всегда хуже прошлого. Почему? Потому что русская возбудимость имеет одно специфическое свойство: ее быстро сменяет утомляемость».

Но недостаток пьесы Чехова, быть может, в том, что он не вскрывает всю тишину работы представителя земского дворянского либерализма: на основе общенародного экономического угнетения и бесправия вся эта земская деятельность не могла не вести наиболее мыслящих к пустоте, скуке и утомлению. Чехов же подошел к Иванову со стороны физиологической, почти медицинской, и поставил свое заключение: «Разочарованность, апатия, нервная рыхлость и утомляемость являются неперенным следствием чрезмерной возбудимости». Но, изображая Иванова, Чехов в известной мере проникнут состраданием к нему. Это косвенно сказывается и на том контрастирующем Иванову образе, который дан в виде доктора Львова. В своих комментариях Чехов сам объясняет Львова: «Это тип честного, прямого, горячего, но узкого и прямолинейного человека». Таким образом получается противопоставление: на одной стороне измотавшийся человек, преждевременный инвалид, но с некоторыми запросами к жизни, на другой — человек, полный активности, но внушающий Чехову отчуждение своими упрощенными понятиями о людях.

На основе этого же противопоставления даются в «Дуэли» образы Лаевского и фон-Корена. Дряблость и ничтожество Лаевского, деклассированного отпрыска захудалого помещичьего рода, вынужденного служить и будучи на службе, вести паразитический образ жизни, — вскрывается в рассказе Чехова настолько отчетливо, что на этот счет не оставляет места ни для каких сомнений. Но читатель, так же как и в драме «Иванов», отчасти обезоружен тем, что Лаевский сам отчетливо сознает свою моральную несостоятельность. И для того, чтобы резче подчеркнуть эту особенность Лаевского, Чехов одну из последних глав рассказа снабжает эпиграфом из знаменитого покаянного пушкинского стихотворения «Воспоминание». Мало того: после тяжелых жизненных испытаний Лаевский показан писателем на пути к моральному возрождению, а чуткое, полное всепрощения отношение Лаевского к несчастной слабохарактерной Надежде Федоровне в значительной мере примиряет читателя с этим героем тусклой эпохи восьмидесятых годов и обратно, изображая сурового практика и человека науки — зоолога фон-Корена, Чехов не отказывает ему в своем внимании, но при этом подчеркивает его самодовольство как одну из неприятных отрицательных черт характера. При этом во взглядах на брак и свободную любовь фон-Корен обнаруживает всю свою ограниченность культурного мещанина. И над обоими этими персонажами витает дух безвременья и отсутствия определенных общественных идеалов. Недаром в конце повести, где изображается примирение и прощание фон-Корена с Лаевским, они оба повторяют знаменательные слова: «Никто не знает настоящей правды».

Чехов был органически связан с той социальной группой мелкодворянской и разночинной интеллигенции, которая давала, в эпоху общественного бездорожья, или размагниченных нытиков, или самодовольных узких практиков, лишенных широты общественного мирозерцания. И чем больше присматривался писатель к окружающей его социальной среде, тем более она внушала ему враждебное чувство. Повидимому, Чехов был не только

внимательным читателем очерков Салтыкова, но и находил в его писаниях как бы подтверждение своим собственным выводам. Только этим можно объяснить те резкие строки, которые вырвались из-под пера Чехова в его письме к Плещееву после смерти великого сатирика:

«Мне жаль Салтыкова. Это была крепкая, сильная голова. Тот сволочный дух который живет в мелком, изможденничавшемся душевно русском интеллигенте среднего пошиба, потерял в нем своего упрямого и назойливого врага. Обличать умеет каждый газетчик, пздваться умеет и Буренин, но открыто презирать умел один только Салтыков. Две трети читателей не любил его, но верили ему все. Никто не сомневался в искренности его презрения».

Чехов как бы поднимает нить, опущенную после Салтыкова, и от его полных великого гнева, наполовину публицистических очерков ведет нас к своей галлерее незабываемых художественных образов, в которых с такой удручающей правдой показан лик среднего человека.

Рассказ «Соседи» (1892 г.) является хронологически третьим произведением, в котором Чехов подводит нас, пользуясь его же словами, к облику «интеллигента среднего пошиба». «Соседи» — это два мелкопоместных интеллигента. Один из них, Власич, — владелец небольшого разоренного имения, «либерал и считается в уезде красным, но и это выходит у него скучно». Чехов с нескрываемой иронией изображает этого жалкого эпитгона уже окончательно выродившегося народничества с его общественным сентиментализмом в прошлом и утомительно шаблонными разговорами в настоящем, — разговорами «об общине, или о поднятии кустарной промышленности, или об учреждении сыроварен, — разговоры, похожие один на другой, точно он приготавливает их не в живом мозгу, а машинным способом». Но главным персонажем является не этот уже пожилой Власич, а его молодой сосед по имени, Петр Михайлович — тоже помещик радикального образа мыслей. Этот Петр Михайлович огорчен тем, что его сестра Зина, молодая двадцатидвухлетняя девушка, ушла к Власичу и стала его гражданской женой. Чехов изображает тот переполох, который после этого события произошел в доме Петра Михайловича. Плакала мать, вздыхала тетка. «В доме, во дворе и в саду была тишина, похожая на то, как будто в доме был покойник». Чехов со всеми подробностями вскрывает трагикомизм переживаний Петра Михайловича. Теоретически этот человек радикального образа мыслей, с университетским образованием, понимает все право сестры распоряжаться собой. Но жалкие мещанские представления о любви и браке, воспринятые от породившей его среды, тяготеют над ним, и он едет в Власичу объясняться по поводу совершившегося события. По приезде никакого серьезного объяснения не получилось, и Петр Михайлович уезжает, полный растерянности. Когда-то Гл. Успенский в очерках своих противопоставлял цельности оголтелого западно-европейского буржуа мягкостельность и вопиющую непоследовательность цензовой либеральной русской интеллигенции, у которой, как он говорил, дармоедство поступков уродливо сочеталось с благородством мыслей. Этой же аптитезой кончается и рассказ Чехова. Провожая Петра Михайловича, Власич указывает ему на пруд, в который, по преданию, помещик-арендатор, француз Оливьер, бросил засеченного до смерти семинариста — любовника его дочери. И вот, идя домой, Петр Михайлович размышляет:

«Оливьер поступил бесчеловечно, но ведь так или иначе он решил вопрос, а я вот ничего не решил, а только напутал, — подумал он, вглядываясь в темную фигуру. похожую на привидение. — Он говорил и делал то, что думал, а я говорю и делаю не то, что думаю; да и не знаю наверное, что собственно я думаю».

В следующем своем произведении, «Рассказе неизвестного человека», Чехов делает попытку подойти к явлению более значительному — к превращению вчерашнего революционера-террориста в размагниченного обывателя, возжаждавшего мещанского покоя и уюта. Интерес к этой теме, повидимому,

намечался у Чехова в связи с известным отходом от революционной борьбы народовольца Тихомирова и переходом этого террориста в лагерь реакционеров. В письме Чехова по поводу драмы «Иванов», где говорится о возбудимости и быстрой утомляемости молодежи, есть между прочим такие строки: «Социализм — один из видов возбуждения. Где же он? Он в письме Тихомирова к царю. Социалисты поженились и критикуют земство».

Фабула «Рассказа неизвестного человека» не совсем обычна для Чехова. Революционер-народоволец для предполагаемого убийства царского сановника поступает к его сыну, избалованному жизнью барину, лакеем по подложному паспорту. Разочаровавшись в революционной борьбе, он покидает дом Орлова вместе с бывшей гражданской женой своего барина, оскорбленной в своих лучших чувствах Зинаидой Федоровной. В задачу Чехова не входил показ революционера в его полном виде. Писатель берет только то, что ему ближе было знакомо — разочарование и усталость среднего интеллигента, взявшего на себя непосильную задачу. Уже в самом начале Чехов вводит нас в круг переживаний утомленного борьбой человека, ведя рассказ от его имени:

«Не знаю, под влиянием ли болезни или начинавшейся перемены мировоззрения, которой я тогда не замечал, мною изо дня в день овладевала страстная, раздражающая жажда обыкновенной, обывательской жизни».

Эта жажда мещанского уюта и является настойчивым и основным лейтмотивом всех помыслов «неизвестного человека». «Я мечтал и за обедом, и на улице, когда меня посылали куда-нибудь, и ночью, когда не спал». Избалованный барин Орлов уже пресытился многим, в то время как изголодавшийся разночинец, утративший революционный пыл, жадно устремлял свой взор на эти крохи личного счастья:

«Орлов безглавно отбрасывал от себя женские тряпки, детей, кузю, медные кастрюли, а я подбирал все это и бережно лежал в мечтах своих, любил, просил у судьбы, и мне грезились жена, детская, тропинки в саду, домики...»

И, конечно, при таких переживаниях утрачивается один из основных элементов, необходимых для революционера, — элемент ненависти к угнетателям. Это Чехов и показывает в центральном узловом пункте рассказа, в том месте, где важный сановник — отец Орлова — приходит в отсутствие сына к нему на квартиру. И вот что переживает при виде его «неизвестный человек»:

«Вместо того, чтобы действовать, я совершенно равнодушно поглядывал то на лысину, то на мех и покойно размышлял об отношении этого человека к своему единственному сыну, и о том, что людям, избалованным богатством и властью, вероятно, не хочется умирать. Я торопил себя и сжимал кулаки, стараясь выдать из своей души хотя каплю прежней ненависти; я вспоминал, каким страстным, упрямым и неутомимым врагом я был еще так недавно. Но трудно зажечь спичку о рыхлый камень».

Этим последним прекрасным образным сравнением удивительно метко характеризуется размагниченность бывшего революционера.

Конечно, Чехов дал образ несколько схематичный. Это неизбежно, ибо писатель на этот раз вышел из круга родственных ему наблюдений, но общепсихологическая правдивость рассказа от этого не утрачивает своей ценности. Несколько хуже дело обстоит с образом Зинаиды Федоровны. Оскорбленная в своих чувствах и брошенная сыном сановника, она готова вступить в ряды революционеров, уже полная ненависти к тому высокому кругу людей, к которому принадлежит Орлов. Это у Чехова художественно слабо мотивировано. Но к образу Зинаиды Федоровны можно подходить, как к вспомогательному. Зинаида Федоровна, полная ненависти, припоминает роман Бальзака «Père Goriot», где герой грозит с вершины холма Паризи: «Теперь мы разделимся». Ей кажется, что смысл жизни только в одном — в борьбе. «Наступить на подлинную змеиную голову, и чтобы она — крак. В этом одном, или же вовсе нет смысла».

Таким образом ее ненависть призвана контрастировать с полным отсутствием страстности и гнева, характерным для бывшего террориста. Этот средний человек расписывается в своей несостоятельности такими словами:

«И, подобно библейскому силачу, поднял на себя Газские ворота, чтобы отвести их на вершину горы, но только когда уже изнемог, когда во мне навеки погасли молодость и здоровье, я заметил, что эти ворота мне не по плечам и что я обманул себя».

Так в этом рассказе Чехов сделал интересную попытку дать художественное обобщение одному из наиболее важных явлений социальной психологии восьмидесятых годов.

В рассказе «Учитель словесности» Чехов показывает среднего человека в провинциальной обстановке, лишенной настоящих и больших общественных интересов. Дом местного буржуа Шелестова является сборищем малокультурных офицеров местного полка и претенциозного директора местного городского кредитного общества Шебалдина, читающего нараспев «Грешницу». Учитель словесности Никитин — бедный разночинец; студентом жил в дешевых московских номерах на Неглинной без денег, без родных и без будущего, а здесь, в этом губернском городе, он учитель гимназии — «обеспечен, любим, избалован». Он делается мужем Манюси — одной из дочерей Шелестова, и после «тоскливой юности» начинается довольство и в подлинном смысле слова мещанское счастье. Чехов показывает, как из юной Манюси вырабатывается хозяйка-скопидомка, как она пьет ночью жадно воду со словами «мarmелад у наелась», — и этих нескольких черт вполне достаточно, чтобы читатель представил себе облик этой женщины. И вот начинается горькое раздумье среднего человека. Никитин приходит к жуткому выводу, что он весьма посредственный педагог, он начинает страстно тосковать по другой, более яркой жизни.

Нельзя сказать, чтобы тема чеховского рассказа была вполне новая. Еще Глеб Успенский в 1871 г. написал рассказ «Спусти рукава», где изображается учитель Певцов, постепенно погружающийся в болото скучных сереньких интересов. Правда, рассказ Гл. Успенского не из лучших, и после полного блеска рассказа Чехова «Учитель словесности» о рассказе «Спусти рукава» можно вспомнить только для параллели. Учитель Певцов в рассказе Глеба Успенского переживает так же тяжело свой процесс оседания в болоте мещанства:

«К ужасу его оказывалось, что у него нехватает даже силы подумать о бегстве, отсюда, что нет выхода из этих перин и духоты, из этой тишины, вычетов за разбитые чашки, расколов и кислой капусты... Каждый день увязая все глубже и глубже в грязь человек такой не перестает понимать это, знает даже глубину своего падения».

Теперь возьмем дневник учителя словесности Никитина в рассказе Чехова и обратим внимание на поразительное совпадение:

«Где я, боже мой! Меня окружают пошлость и пошлость. Скучные ничтожные люди, горшочки со сметаной, кувшины с молоком, тараканы, глупые женщины... Нет ничего страшнее, оскорбительнее, тоскливее пошлости. Бежать отсюда, бежать сегодня же, иначе я сойду с ума!»

Это совпадение между Гл. Успенским и Чеховым объясняется не заимствованием, а сходством изображаемых обоими писателями жизненных положений. И, конечно, чеховский персонаж никуда не убежит. Учитель словесности Никитин, этот чижик в образе человека, будет ныть, жаловаться на судьбу свою, как это делает брат трех сестер в известной драме Чехова — Андрей Прозоров, который катает по саду колясочку с младенцем и вопрошает:

«Отчего мы, едва начавши жить, становимся скучны, серы, неинтересны, ленивы, равнодушны, бесполезны, несчастны?»

В большом рассказе «Моя жизнь», изображая переживания интеллигента-толстовца, вступившего на путь опрощения, Чехов в первых главах набрасывает постылую по своим подробностям картину провинциальной

жизни: повальное взяточничество в его многообразном виде, свинская жизнь, лишенная каких-либо одухотворяющих начал, и жестокость уездных обывателей, по своим некоторым подробностям очень напоминающая деяния горьковских обитателей. И «лишь от одних девушек веяло нравственной чистотой», но они, «выйдя замуж, скоро старились, опускались и безнадежно тонули в тине пошлого, мещанского существования». Для того, чтобы в этом социальном окружении отстоять свое человеческое достоинство, надо было развить в себе большую силу нравственного сопротивления. На это способны только немногие. Когда-то Писарев полагал, что «умная и развитая личность, сама того не замечая, действует на все, что к ней прикасается; ее мысли, ее занятия, ее гуманность обращения, ее спокойная твердость — все это шевелит вокруг нее стоячую воду человеческой рутины». Чехов-художник мог ответить горькой улыбкой на это наивно-рационалистическое рассуждение шестидесятника. Он знал скорбную, а временами и потрясающую правду жизни: в такой обстановке, какая, например, изображается в рассказе «Моя жизнь», не личность шевелит «стоячую воду человеческой рутины», а, наоборот, окружающая постылая социальная среда давит на мыслящую личность, на хрупкую природу человека и превращает его в одну из составных единиц чисто зоологического бытия.

Этот процесс уравнивания среднего человека идет прежде всего по линии выветривания тех элементов культуры, которые в обстановке уездной обывательщины являются излишней роскошью. Обратим внимание в этом отношении на рассказ «В родном углу». Помещицкой дочке Вере, приехавшей в родную, но уже заложенную усадьбу из культурного центра, рекомендуют доктора Нешапова, как самого интересного человека. Нешапов уже имеет пай на заводе и не считает медицину своим главным делом. Этот человек, выходящий в буржуазию, обрастающий капиталом, был похож на «дурпо написанный портрет».

«Когда говорили о литературе или решали какой-нибудь отвлеченный вопрос, то по лицу Нешапова видно было, что это его несколько не интересует и что уже давно он не читал ничего и читать не хочет».

Этот рецидив некультурности более совестливые представители интеллигенции переживают тяжело. Особенно в этом смысле показателен трогательный образ доктора Чебутыкина в «Трех сестрах»:

«Чорт знает! Третьего дня разговор в клубе: говорят Шекспир, Вольтер... Я не читал, совсем не читал, а на лице своем показал будто читал. И другие тоже, как я. Пошлость. Низость».

Важно отметить, что свое скептическое отношение к массовой интеллигенции Чехов пронес до самого конца своего творческого пути. Вряд ли можно сомневаться в сочувствии писателя к тем словам студента Трофимова из второго акта «Вишневого сада», где дана такая беспощадная и уничтожающая характеристика массовой интеллигенции.

Самым значительным произведением Чехова на интересующую нас тему является рассказ «Ионыч». Этот небольшой рассказ, разбитый на пять эпизодов, дает нисходящую линию постепенного опошления среднего человека. Полный большого социального смысла, рассказ «Ионыч» является образцом чеховской манеры художественного обобщения. В первых двух главах писатель показывает доктора Дмитрия Ионыча Старцева еще полным молодых сил человеком, не утратившим свежих впечатлений молодости. Его ироническое отношение к семье Туркиных, которая считалась в городе самой талантливой, говорит о его повышенных духовных требованиях к жизни. Любовь Старцева к юной Екатерине Ивановне и весь характер его отношений к ней говорит об искренности и свежести его чувства. Нельзя забыть дивную сцену ночью на кладбище, где грустные переживания Старцева, жаждущего светлой любви, сочетаются с этим мягким

лунным светом и черными тенями от крестов, памятников и тополей. Здесь, как это впрочем обычно для Чехова, пейзаж, поданный в лирической оправе, сочетается с настроением героя рассказа. Старцев еще полон стремления подняться над этой окружающей его провинциальной пустотой жизни, хотя он уже имеет кучера Пантелеймона и начинает полнеть. Но вот сватовство к Котику закончилось неудачей...

«И жаль было своего чувства, этой своей любви, так жаль, что, кажется, взял бы и зарыл или изо всей силы хватил бы зонтком по широкой спине Пантелеймона».

Но жизнь входит в свои берега и, вспоминая потом, «как он бродил по кладбищу или как ездил по всему городу и отыскивал фрак, он лениво потягивался и говорил: «сколько хлопот, однако». Это окончание третьей главы является необходимым предварительным намеком на будущее и совершенное превращение Старцева в типичного обывателя.

Вскрывая этот процесс человеческого опошления, Чехов ведет нас по двум направлениям: во-первых, изображая рост личного благополучия Старцева, писатель показывает картину передвижения разночинца-бедняка в категорию сначала высоко-цензовой интеллигенции, а затем и просто солидного буржуа-собственника. Во-вторых, со свойственной ему исчерпывающей сжатостью, писатель дает характеристику всего социального окружения, в котором пребывает Дмитрий Ионыч. Важно отметить, что Старцев не сразу сдает свои позиции: он пробует спорить, доказывать, он чувствует раздражение от всех этих чисто жратвенных обывательских понятий о жизни, но кончает он все-таки полным слиянием с окружающей его средой.

Большое значение имеет в рассказе свидание Старцева с Екатериной Ивановной четыре года спустя после его сватовства. При этом свидании Старцев сначала вновь загорается живительным огнем. Он со скорбью говорит об окружающей его среде:

«Как мы поживаем тут? Да никак. Стареем, полнеем, опускаемся. День да ночь — сутки прочь; жизнь проходит тускло, без впечатлений, без мыслей. Днем нажива, а вечером клуб, общество картежников, алкоголиков, крикунов, которых я терпеть не могу. Что хорошего!»

Екатерина Ивановна, пробыв все это время в Москве, научилась, по-видимому, иначе относиться к людям и к жизни. Она уже не воображала себя великой пианисткой. Ее трезвый взгляд на себя Чехов вскрывает в таких словах:

«Теперь все барышни играют на рояле, и я тоже играла, как все, и ничего во мне не было особенного, я такая же пианистка, как мама писательница. И, конечно, я вас не понимала тогда, но потом, в Москве, я часто думала о вас. Я только о вас и думала. Какое это счастье быть земским врачом, помогать страждальцам, служить народу»

В этих несколько наивных по своей форме признаниях Чехов отмечает ее большую искренность. Екатерина Ивановна, когда она думала о Старцеве в Москве, действительно представляла его «идеальным, возвышенным»... Но если Екатерина Ивановна в известной степени изображается Чеховым духовно выросшей, то, наоборот, Дмитрий Ионыч изображается уже опустившимся. Когда Старцев слушал восторженную речь Екатерины Ивановны о роли земского врача, то вспомнил про бумажки, добытые практикой, которые он по вечерам вынимал из карманов и считал с таким удовольствием, «и огонек в его душе погас».

В последней главе Чехов изображает законченную деформацию Ионыча, определившуюся через несколько лет. Резкими чертами, всего на двух страницах, Чехов показывает, как вместе с переменой морального облика Старцева изменился до неузнаваемости и его облик физический. Процесс превращения мыслящего человека в жирную свинью, жадную и грубую, закончен. От прошлого настолько ничего не осталось, что когда

этот заплывший жиром человек с тонким и резким голосом сидит в клубе и слышит разговоры о семье Туркиных, то спрашивает: «Это вы про каких Туркиных? Это про тех, что дочка играет на фортепьянах?»

Этой жуткой фразой все позабывшего Ионыча писатель кладет последний штрих, завершающий картину безвозвратного человеческого опошления.

Повторяем, для Чехова этот процесс превращения мыслящего врача Старцева в жадного, заплывшего жиром брюзгу Ионыча является не случайным эпизодом. В письме к Орлову, написанному по поводу студенческих волнений, Чехов через несколько месяцев после выхода в свет этого рассказа дает как бы комментарий к своему произведению, полному художественно-обобщающего смысла. Чехов определенно заявляет, что он не верит в интеллигенцию даже тогда, когда она страдает и жалуется, ибо «ее притеснители выходят из ее же рядов». Говоря об известном процессе деформации интеллигентской молодежи, Чехов пишет:

«Пока это еще студенты и курсистки, — это честный, хороший народ, это надежда наша, это будущее России, но стоит только студентам и курсисткам выйти самостоятельно на дорогу, стать изрослыми, как надежда и будущее России обращается в дым, и остаются на фильтре одни доктора, дачевладельцы, несытые чиновники, ворующие инженеры».

Конечно, не для всей массы этой средней по своему моральному калибру интеллигенции уготован путь в стан разжиревшей буржуазии. Но это не избавляет среднего человека от погружения в царство мещанского уюта и покоя. Стремясь к этому покою, средний человек начинает бояться прогневить власть предержащую. Как говорит Салтыков в очерках «За рубежом», в уме среднего человека «постепенно созревает деморализующее «учение о шкуре»... Все поголовно начинают учитывать себя и припоминать; у всех опускаются руки, у всех начинается биться сердце беспредметной тревогой». Рассказ Чехова «Человек в футляре» служит как бы незабываемым художественно-образным дополнением к этим словам Салтыкова. Тон задает не критически мыслящая личность, как полагал когда-то Писарев, а личность поистине жалкая и ничтожная, под гипноз которой попадают все эти представители трепещущей интеллигенции. Недаром рассказчик в «Человеке в футляре» говорит о совершенно странном для него, почти психопатологическом влиянии учителя Беликова на все провинциальное общество:

«Вот подите же, наши учителя народ все мыслящий, глубоко порядочный, воспитанный на Тургеневе и Щедрина, однако же человек, ходивший всегда в калошах и с зонтиком, держал в руках всю гимназию целых 15 лет. Да что гимназию! Весь город».

Социально спаянный с изображаемой им группой, Чехов с одной стороны отталкивается от нее, а с другой — приближается к тем представителям этой интеллигенции, которые еще не утратили своего культурного облика, но не знают путей к будущему общественному преобразению жизни. В письме к Орлову Чехов говорил:

«Я верю в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям, — интеллигенты они или мужики, — в них сила, хотя их мало... что бы там ни было, наука все подвигается вперед и вперед, общественное самосознание нарастает, нравственные вопросы начинают приобретать беспокойный характер и т. д., и все это делается помимо прокуроров, инженеров, гувернеров, помимо интеллигенции en masse и несмотря ни на что».

Но эта расплывчатая, если можно так выразиться, формула прогресса и ведет Чехова к идеализированному показу различных бездельных мечтателей. Таков, например, доктор Королев в рассказе «Случай из практики», верящий в то, что хорошая жизнь будет «лет через пятьдесят», таков Вершинин, говорящий о том, что «через двести-триста лет жизнь на земле будет изумительной и прекрасной». И опять-таки у Салтыкова мы находим как бы норазительное предвидение чеховских образов в русской

литературе. В указанных нами очерках «За рубежом» великий сатирик пишет:

«Средний человек всегда инстинктивно отличает теорию от практики. Не будучи даже малодушным, он отводит для исторических утешений скорее отдаленное будущее, нежели ближайшее настоящее» (гл. VII, курсив наш. — И. К.).

Впрочем, Тузенбах — один из чеховских персонажей («Три сестры») — смутно чувствует близость грядущего переворота, который преобразит жизнь, «сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку». Слова Тузенбаха в пьесе, написанной в 1900 г., о том, что «через какие-нибудь 25—30 лет работать будет уже каждый человек», звучат как красивое пророчество о нашем времени, когда люди многообразного труда призваны стать владыками страпы.

При учете произведений Чехова, имеющих отношение к нашей теме, необходимо иметь в виду, что писатель, беря на подозрение всю ту массовую интеллигенцию, которая являлась как бы придатком буржуазии и самодержавно-полицейской надстройки, выделял слой интеллигенции истинно-труженической, связанной известными узами с народной массой. Это и соответствует нашему историко-материалистическому пониманию сущности интеллигенции, как промежуточной категории, составные части которой расходятся по различным классовым группировкам. Чехов понимал, что не все земские врачи обращались в оскотинившихся Ионычей, что среди них были труженики в образе доктора Астрова («Дядя Ваня»). Припомним, какими любовными и проникновенными чертами изображает Чехов в диалоге между нянькой Мариниой и Астровым трудовую жизнь этого человека, полную незаметного подвига. Обратим внимание также на то, как после потрясающего рассказа Салтыкова «Сельская учительница», Чехов в рассказе «На подводе» считает необходимым вновь напомнить о тернистом жизненном пути такой же учительницы Марии Васильевны, и поймем лишний раз всю глубокую значительность Чехова, как беспристрастного и великого художника.